

М. И. Васильев

**РУССКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРАНСПОРТ
В ТРАДИЦИОННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ
XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.**

Статья посвящена анализу места и роли средств передвижения, использовавшихся русским сельским населением в традиционной праздничной обрядности XIX – первой трети XX в.

M. Vasiliev

**RUSSIAN COUNTRY TRANSPORT
IN TRADITIONAL FESTIVE RITUALISM
IN THE 19th CENTURY AND THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY**

The author of the article analyses the place and role of transport means used by the Russian rural population in traditional festive ritualism in the 19th century and the first third of the 20th century.

Помимо выполнения экономических и социальных функций в культуре, народные транспортные средства имели важную значимость и в празднично-обрядовой сфере. Несмотря на значительную литературу по русским и восточно-славянским календарным праздникам (работы И. М. Снегирева, А. В. Терещенко, М. Забылина, А. А. Коринфского, В. И. Чичерова, В. К. Соколовой, А. Ф. Некрыловой и др.)¹, данный аспект не был предметом специального исследования. Анализ мес-

та и роли средств передвижения, использовавшихся русским сельским населением в традиционной праздничной обрядности XIX – первой трети XX в. и посвящена данная работа.

Как показывают материалы, наибольшее значение у русских крестьян в календарной обрядности играли зимние транспортные средства. В начале зимы транспорт используется в календарной обрядности как особая форма молодежных гуляний, имевших любовно-эротический под-

текст, связанный с тем, что зима являлась пиком свадебной тематики в годовом цикле праздничного календаря².

Нередко начало зимних катаний на санях совпадало с местным праздничным календарем. Так, в отмечаемом в с. Кежме на р. Ангаре празднике «Казанской» (22 октября по старому стилю), перед вечеринкой девушки разъезжают по улицам на пошевнях и «санках», изображая свадебный поезд: «свадьбой ездят». Подобным «улошным» представлением, по словам А. А. Макаренко, весьма прозрачно намекается на то, что пришла пора парням «да споженитца»³.

Более распространенной была традиция начала зимних катаний на санях на Введенье, Прокопьев или Екатеринин день, сопровождавшаяся в ряде мест обычаем «казать молодую», включавшем многие элементы свадебного обряда: переход через порог по вывороченной шерстью вверх шубе, именованной молодой «княгинюшкой», сопровождением молодоженов поездом из гостей-поежан и др.⁴

Еще более широкая тематика использования транспорта характерна для праздников, являвшихся ключевыми в зимнем календаре. Первым праздничным циклом года, в котором мы видим ритуально-магическое применение транспортных средств, являлись святки, символизировавшие переход от старого года к новому, важнейшим атрибутом которых было узнавание посредством обрядовых действий будущего урожая, семейной или личной судьбы⁵.

В Костромской губ. в ночь на Новый год девушка шла к дому, где живет любимый парень и отгрызала щепочку от саней. Хорошим предзнаменованием считалось, чтобы никто не встретился по дороге и не окликнул ее. Щепочку она приносила домой и ложилась с ней спать. Если во сне она видела того парня, считалось, что она выйдет за него в этом году замуж⁶.

Близкий вариант этого ритуала присутствовал в Новгородской области: девушка, желавшая узнать свою судьбу, откусывала зубами щепочку от собственных саней и

клала ее на ночь под подушку, чтобы к ней приехал суженый⁷. В этом случае «щепочка» являлась заместителем саней и служила магическим предметом, с помощью которого будущий жених мог «приехать» к своей девушке, точно также, как, например, гребень определял действия «завороженного жениха».

Другим способом гаданий являлось «ворочание оглобли» в разные стороны для того, чтобы услышать скрипы в смерзшейся «завертке»: «какое имя «проскрипит», так и мужа звать будут (или невесту)»⁸.

Совершенно иной смысл имело широко распространенные гадания на перекрестке дорог, когда гадающие припадали к земле и слушали: если слышался звон колокольчика, скрип полозьев или лошадиный топот, значит, девушка в этом году выйдет замуж. Порою значимость имело то, откуда доносится скрип саней (свадебного поезда). Считалось, что звук определял сторону, куда девушка выйдет замуж⁹. В ряде случаев характер этого звука – груженные или пустые сани – символизировало богатого или бедного супруга¹⁰.

Другой смысл приписывали гаданию, когда гадающие «на крестах» падали в снег, осторожно вставали, а утром приходили, чтобы посмотреть следы. По чьему отпечатку проехали сани, та и должна была выйти замуж¹¹.

Отражением бытовавших в народной среде представлений о святках как времени разгула нечистой силы, является широко распространенная у русских, как и у многих европейских народов¹², традиция святочного озорства и ряженья. Среди предметов, связанных с подобного рода обычаями, нередко выступали и зимние транспортные средства, которые не были убраны во двор. Оставил хозяин у дома дровни (иногда даже с сеном или дровами) – утром ищи их за деревней или под горой, или снимай с крыши, головками закрепленные за конек крыши¹³.

В ряде мест традиция святочных посиделок включала сценки ряженных с исполь-

зованием санного транспорта. В частности, при ряжении «лошадью» к ней при помощи веревок или оглобель прикрепляли ручные хозяйственные санки («дровешки»), на которых сидел «кучер». В таком виде ряженные заезжали в избу на «беседу». У «кучера» порою была палка, обвязанная тряпками, которой он хлопал девушек («давал леща»), поднимавших визг¹⁴.

Наконец, легковые сани нередко использовались в Европейской России в одном из этапов обычая смотрин невест, происходившего в Крещение¹⁵. Обычно смотрины проводились в форме катаний в санях матерей с дочерьми по центральным улицам селений¹⁶. В Кадниковском уезде Вологодской губ. смотрины с использованием саней получили более ритуализированную форму: после обедни, в окружении толп народа, стоявших по обе стороны улицы, девушки по двое ехали к реке на водосвятье, стоя в санях. Здесь, не доезжая до «иордани», сани с девушками становились в каре и превращались в важный центр внимания во время водосвятия. Особый смысл происходившего подчеркивала праздничная сбруя на лошадях, украшенная «как на свадьбах»¹⁷.

Важную роль играл транспорт в масленичных обычаях и обрядах, символизировавших конец зимы. Сани были широко задействованы в так называемых проводах масленицы. Там, где бытовала традиция изготовления антропоморфного чучела праздника (главным образом, в южно-русских, частично центральных и западных губерниях; местами на Севере и в Сибири), сани выступали средством для ее перевозки и демонстрации жителям в последние дни праздничной недели. В зависимости от варианта проводов масленицы, использовались обычные упряжные или ручные хозяйственные сани. Порою сани специально украшали¹⁸.

В районах, где проводы масленицы проводились без чучела (главным образом Сибирь, а также Европейский Север и отчасти средняя полоса) и его заменяли пар-

одийные сцены и персонажи, сани и упряжь в таких действиях, по сравнению с первым вариантом обряда, принимают совершенно иной вид. «Обращает на себя внимание прежде всего то, что все атрибуты масленичного поезда ...старая, негодная рухлядь. В разваливавшиеся сани впрягали клячу, на нее вешали колокольчики, с которыми ходили коровы, иногда лошадь покрывали рогожей, дерюгой, а в Сибири на передние ноги ей даже надевали рваные штаны и пимы...»¹⁹.

В ряде мест ритуально-смеховой обряд проводов масленицы и встречи поста перешел на «чистый понедельник» — первый день Великого поста. Так, в Череповецком уезде Новгородской губ. (это называлось обычаем «вытирания мутовки») в этот день одетые в костюмы «посмешиной» девушки запрягали самую дряхлую лошадь, на сани ставили квашню с мутовкой, а к оглоблям привязывали грязные полотенца или тряпки — «вытирать мутовку». В таком виде — «с блинами» — они разъезжали по деревне, вызывая общий смех и шутки²⁰.

По мнению исследователей (В. Я. Проппа, М. М. Бахтина и др.), причины подобного представления связаны с архаичными верованиями, в которых ритуальный смех и глумление имели важное обрядовое значение. Таким образом уничтожали и прогоняли злое, враждебное человеку начало — зиму и ассоциировавшуюся с ней смерть. Поэтому все атрибуты проводов должны были наглядно отражать старость и умирание отжившего. Для того чтобы это звучало более убедительно, широко использовалась сатира и смех²¹.

В ряде мест (особенно в Сибири и на Европейском Севере) на форму проводов масленицы сильно повлиял западноевропейский карнавал, активно заявивший о себе с петровской эпохи²². Используя сани связывались вместе, имитируя корабль или на сани устанавливалось небольшое судно с помостом или мачтой для ряженого²³.

В отдельных местах грузовые сани или хозяйственные санки использовались непосредственно в обряде сжигания масленицы. В северо-восточных уездах Новгородской губернии Масленица представляла собой уложенную на старые дровни или санки груды соломы или набитую соломой и сеном кадку или смоляную бочку, которую зажигали и, взявшись за оглобли или веревку, провозили по деревне с криками «Прощай, Красная Масленица! Настает Великий пост!». За деревней пепел выворачивали в снег, иногда загоревшиеся сани спускали под гору²⁴. В бывшем Холмском уезде Псковской губернии Масленица представляла укрепленный на колу зажженный факел, который держал один из сидевшей в дровнях компании из детей и молодежи, в то время как несколько парней брались за оглобли и с песней «Мы Масленицу покатали, блинчикам горочку выстилали...» ехали по деревне, провожая таким образом символ праздника²⁵.

Кроме проводов масленицы, санный транспорт наряду с волокушами играл большую роль в масленичных катаниях с гор детей, молодежи и молодоженов, а также женщин, причем у первых они выполняли игровую, а у последних – празднично-обрядовую функцию.

Считается, что они были повсюду одним из любимых развлечений у русских в XIX–начале XX в.²⁶ Имеющиеся материалы показывают, что катания с гор можно назвать почти повсеместными²⁷ только до первых десятилетий XIX в., в то время как позднее они сохраняются в виде традиции главным образом на Европейском Севере и в столичных городах²⁸. Во многих местах во второй половине XIX – начале XX в. данная категория забав в масленицу занимала весьма скромное место, встречаясь эпизодически как элемент развлечений при сжигании масленичного костра²⁹.

Особое ритуальное значение и смысл имели масленичные катания («прокатывание») на салазках и санках для молодоженов: они окончательно закрепляли их но-

вый социальный статус в общественном сознании, а также усиливали, по мнению представителей традиционной культуры, плодородие земли. Наиболее сложный ритуал (с обязательной задержкой саней и поцелуями) получили катания молодоженов в Архангельской и Олонецкой губерниях. Он носил здесь название «скопище», «солить рыжики на пост» или «примораживать»³⁰.

Определенные правила регламентировали катания и неженатой молодежи. В некоторых местах парень не должен был кататься с одной девушкой более трех раз; в других – катающимся вместе парню и девушке тоже «примораживали» санки, заставляя откупиться, как и молодых, поцелуями. В последний день масленицы в Пермской губернии парень, скативший с горы девушку, мог поцеловать ее, из-за чего этот день назывался «целовник»³¹.

В Орловской, Тверской и некоторых других губерниях обычай «окатывания» молодых происходил не на горке, а на деревенской улице. Суть обрядовых действий, вероятно, состояла в окончательной передаче деревенской общиной своих прав на недавно вышедшую замуж девушку мужу. По форме обычай состоял из поздравлений с масленицей хозяев дома (или выкупа мяча-шелыги) и следовавшего за этим угощения, вслед за чем следовала просьба к молодым выйти на улицу, чтобы покатались. В зависимости от характера предложенного им угощения, это могла быть перевернутая вверх зубьями борона или нарядные санки³².

Традиция катаний с гор у женщин (на санках, салазках и прятках) имела особый магический смысл. Она была связана с обычаем «кататься на долгий лен». Во многих местах существовало поверье, что «если женщина скатится с горы удачно, т. е. не упадет..., то это считается за признак того, что у ней в этот год вырастет лен длинный и хороший»³³. В Шенкурском уезде Архангельской губ. на таких катаниях было принято кататься стоя³⁴.

Наконец, огромное распространение у русских имели масленичные катания на лошадях, ставшие одним из символов праздника. Истоки подобных катаний, вероятно, были сугубо прозаичны: нарядные экипажи нередко становились частью «зимней» формы гуляния, когда вместо летних пеших прогулок молодежи по улице (туда/обратно) использовались сани как наиболее удобное средство передвижения зимою. Причем такая форма масленичных гуляний могла приобрести законченную форму ранее всего в городе, где для этого имелись большие материальные возможности (выездной транспорт), а также то, что здесь порою не было удобных горок, которые являлись более древней формой масленичных катаний у русских. Большую роль в развитии этой формы масленичных развлечений имел и социальный, престижный фактор катаний на санях, демонстрировавший уровень благосостояния катающихся.

Наиболее ранние упоминания о масленичных катаниях на лошадях относятся к XVIII в., хотя их появление здесь, безусловно, является более ранним. Одним из таких упоминаний является рассказ Андрея Болотова о масленице в г. Богородицке (Тульской губ.), относящееся к 1792 г. Рассказывая об устроенном им с друзьями и знакомыми «уличном маскараде на санях» и о произведенном этим шествием эффекте, он говорит следующее: «Почему и неудивительно, что едва мы с процессиею сею показались в городе, как со всех сторон побежали к нам люди и поскакали сани и все кучами и толпами...умножили огромность зрелища. Одних саней с катающимися по городу мужчинами и женщинами набралось десятков пять или более, а пешего народа превеликое множество...Происходило сие в масляничную субботу, после обеда, когда весь народ гулял и катался»³⁵.

Основная масса сведений о катаниях на лошадях приходится на XIX — начало XX в. Источники первой половины столетия обычно дают нам городские катания. Причем, они еще не выглядят такими массо-

выми, какими стали в конце XIX — начале XX в. Так, например, в крупнейшем центре Урала — Екатеринбурге, в катании, сохранявшем, по утверждению автора, «старинный вид таких поездок — катание толпой или, по-местному, «утугой»», участвовало всего до 30–40, иногда до 50 саней³⁶.

Во второй половине XIX—начале XX в. масленичные катания на лошадях фиксируются повсеместно, в том числе в деревне. «В некоторых деревнях катание бывает на лошадях, причем лошади украшаются лентами, обвешиваются бубенчиками, и запрягаются непременно в пошовни, как наиболее почетный экипаж», — указывает на это один из корреспондентов³⁷. Катания на лошадях превращаются в самое яркое и массовое мероприятие года: недаром они стали своеобразной визитной карточкой русской масленицы³⁸. В конце XIX в. в крупных деревнях Вологодской губ. число катающихся доходило до 200–500 лошадей, а в некоторых волостных центрах — до 800³⁹.

В ряде мест масленичные катания на лошадях приобрели магическое значение, как и при катаниях с гор. По мнению В. К. Соколовой, подобная функция появилась у них под влиянием катаний с гор⁴⁰. Вероятно, это действительно так. Однако не следует приуменьшать их роль в XIX—начале XX в.: в ряде мест Европейской России и Сибири обрядовая функция масленичных катаний сохранялась лишь в форме катаний на лошадях⁴¹. Как показывают материалы, в одних местах был важен сам факт подобных катаний, в других — длина пройденного пути. Последнее могло осознаваться и как реальное расстояние и как символическое (свое/чужое, близкое/далекое; выражение: «если ездить по своей деревне, то будет короткий лен, а если в чужую — то длинный»)⁴².

И все же в большинстве случаев в катаниях на лошадях не было никакой древней магической основы. Как совершенно справедливо указал в свое время В. Я. Пропп, мнение о связи катания с движением солнца «не соответствует действительности»⁴³.

Материалы показывают, что масленичные катания «по кругу» являлись одной из важных составных частей уличного гуляния, маршрут которого определялся планировкой селения. В сельской местности чаще всего (поскольку наиболее распространенной была одноуличная деревня) катались взад-вперед («вкруговую», «гужем»), в городах и крупных селах – вокруг прилегающих к гулянию улиц («кругом», «вкруговую»)⁴⁴.

Иногда по кругу катались во избежание столкновений и в одноуличных деревнях, имевших узкую дорогу. В этом случае деревню объезжали по задворкам и вновь показывались на улице. Там, где селения располагались на противоположных берегах рек, катания порою проводились по реке. Катающиеся обычно ездил друг за дружкой, редко обгоняя друг друга, особенно при двустороннем движении. В то же время в ряде мест подобные катания («катки») превращались в состязания ездоков, мчащихся на огромных скоростях⁴⁵.

Несмотря на отсутствие магических функций, катания на лошадях играли важную социальную роль и имели массу местных обычаев, которые строго соблюдались катающимися. Повсеместно был распространен в России обычай «гощения» молодоженов у родителей невесты. Здесь они разъезжали по многочисленным гостям. Оставляя лошадь, часто накидывали на нее или домотканое одеяло или накидку («коввер»), подкладываемое на сиденье или служившее укрытием для ног и специально изготовленное невестой к свадьбе. В некоторых местах они становились знаком, соотносимыми с молодоженами. Увидев у какого-либо дома лошадь, накрытую таким «ковром», знали, что приехали молодые⁴⁶.

Строгую регламентацию имели и сами катания на лошадях. Так, молодожены катались всегда парами, неженатая молодежь – нередко группами из трех – четырех человек. Согласно общепринятому обычаю, парни должны были катать не одну, а многих девушек. Прокатив девушку три-четыре раза по деревне, парень усаживал дру-

гую⁴⁷. В бывшей Костромской губ. парень каждый круг должен был кататься с разными девушками⁴⁸. Во многих местах девушки одаривали за это парней: в Нижегородской губ. парень целовал их на прощание, в Новгородской губ. – девушки преподносили им на Пасхе по несколько яиц⁴⁹.

Обрядовая функция масленичных катаний на лошадях у русских прослеживалась и в том, что они часто получали дополнительный, шутивно-озорной оттенок. Некоторые из катающихся привязывали к оглоблям, шлее или дуге веники, гремящие при езде и вызывавшие всеобщий хохот⁵⁰. В ряде мест на лошадь одевали штаны. Иногда вместо саней использовали корыто, «желоб» для кормления скота или «подсанки» для вывозки леса, привязанные к веревочным гужам или к оглоблям⁵¹.

В конце зимы празднично-обрядовое значение санного транспорта уменьшалось и сохранялось главным образом на крайнем Севере. По сообщению П. С. Ефименко, в верховьях Пинеги в Фомино воскресенье (апрель – май) устраивались праздничные катания на лошадях, запряженных в сани «с дугами и навешенными к ним во множестве колокольчиками, бубенчиками и шаркунами»⁵². Возникновение подобной традиции связано с огромной ролью колокольного звона в пасхальной обрядности, оберегавшим от происков дьявола и служившим своеобразным посредником в общении человеком с богом⁵³.

Таким образом, зимние транспортные средства занимали большое место в русской календарной обрядности XIX–первой трети XX в. Причина этого кроется в длительности зимнего периода в России, а также в том, что на него приходится пик коллективных форм молодежного общения и семейно-брачной обрядности, обусловленный меньшей интенсивностью трудовой деятельности в это время года. Немаловажной причиной являлось и то, что на зиму приходилась половина дат, связанных с движением солнца (зимнее солнцестояние и равноденствие) и начало нового года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. — Вып. 1. — М., 1837; Вып. 2. — М., 1838; Вып. 3. — М., 1838; Вып. 4. — М., 1839; *Терещенко А. В.* Быт русского народа. — Ч. 4. — М., 1848; Ч. 5. — М., 1848; Ч. 6. — М., 1848; Ч. 7. — М., 1848; Русский народ, его обычаи, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. — М., 1880; *Коринфский А. А.* Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. — М., 1901; *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного календаря XVI—XIX веков. — М., 1957; *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. — М., 1979; Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А. Ф. Некрылова. — М., 1991; *Бондаренко Э. О.* Праздники христианской Руси: Русский народный православный календарь. — Калининград, 1995.

² *Чичеров В. И.* Указ. соч. — С. 44–45, 112–113 и др.

³ *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь. — Новосибирск, 1993. — С. 81–82.

⁴ *Коринфский А. А.* Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. — Смоленск, 1995. — С. 448–449; *Чичеров В. И.* Указ. соч. — С. 45.

⁵ *Чичеров В. И.* Указ. соч. — С. 75, 88–114 и др.

⁶ *Смирнов В.* Народные гадания Костромского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. — Вып. XLI. — Кострома, 1927. — С. 55.

⁷ Полевые материалы автора по Новгородской области, 1986–1992 гг. // Личный архив автора, б/н.

⁸ *Смирнов В.* Указ. соч. — С. 66.

⁹ Там же. — С. 69–70.

¹⁰ Полевые материалы автора..., 1986–1992 гг.

¹¹ Там же.

¹² См., напр.: *Серов С. Я.* Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев / Отв. ред. С. А. Токарев и др. — М., 1983. — С. 47–49.

¹³ См., напр.: Зимние катания новгородских крестьян / Сост. М. И. Васильев. — Новгород, 1992. — С. 22. Сходным образом поступала молодежь в южной России и в ночь на Петров день, падавший на так называемые летние святки. Они также собирают все, что не убрано хозяевами во двор, в том числе телеги, и устраивают из них завалы на дорогах. См., напр.: *Соколова В. К.* Указ. соч. — С. 253–254, 260.

¹⁴ Зимние катания... — С. 23.

¹⁵ Кроме него, он включал смотрины в церкви во время литургии и на реке около «Иордани».

¹⁶ *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. — СПб., 1994. — С. 281; *Чичеров В. И.* Указ. соч. — С. 112–113. Подобная форма смотрин невест происходила и в другие сроки, в частности, в конце масленичной недели. См., напр.: Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия / Общ. ред., предисл. и примеч. Ю. Н. Александрова. — М., 1989. — С. 368, 446–447.

¹⁷ По: *Чичеров В. И.* Указ. соч. — С. 113.

¹⁸ *Соколова В. К.* Указ. соч. — С. 22–27.

¹⁹ Там же. — С. 30.

²⁰ Архив МАЭ РАН, К-V. Оп. 1. № 92. Л. 22.

²¹ Об этом: *Соколова В. К.* Указ. соч. — С. 32.

²² См., напр.: *Божерянов И. Н.* Как праздновал и празднует народ русский Рождество Христово, Новый Год, Крещение и Масляницу. Исторический очерк. — СПб., 1894. — С. 93–96, 104–105; *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. — Л., 1988. — С. 8.

²³ *Соколова В. К.* Указ. соч. — С. 29, 32–34.

²⁴ Зимние катания... — С. 38.

²⁵ Там же.

²⁶ *Соколова В. К.* Указ. соч. — С. 43.

²⁷ В ряде южно-русских территорий их не было и в первой половине XIX века. Так, по воспоминаниям К. А. Авдеевой, в первой трети XIX в. в Курске производились только катания на лошадях. См.: *Авдеева Е. А.* Записки о старом и новом русском быте. — СПб., 1842. — С. 61.

- ²⁸ Соколова В. К. Указ. соч. – С. 12–17, 38–39, 43–44; Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники... – С. 17–19.
- ²⁹ См., напр.: Ивановский К. Городецко-Николаевский погост Палемской волости, Устюжского уезда // Вологодские губернские ведомости. – 1880. – № 12. – С. 1; Васильев М. И. Зимние катания у русских крестьян на Северо-Западе России в конце XIX–первой трети XX в. (по новгородским материалам) // Человек сам себе непонятный: Сб. ст. – Новгород, 1997. – С. 163–164.
- ³⁰ Соколова В. К. Указ. соч. – С. 38–42.
- ³¹ Более подробно об этом см. Вытегорские Кондужи // Олонецкие губернские ведомости. – 1874. – № 27. – С. 339; Соколова В. К. Указ. соч. – С. 38–44.
- ³² Соколова В. К. Указ. соч. – С. 39; Круглый год... – С. 444.
- ³³ Ш(устик)ов А. Предания, обычаи, заговоры, суеверия и ворожба в среде населения Кадниковского уезда // Вологодский сборник. – Т. 5. – Вологда, 1887. – С. 226.
- ³⁴ Соколова В. К. Указ. соч. – С. 44.
- ³⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков / Вступ. статья С. М. Ронского. Комментарии П. Л. Жаткина. – Т. III. 1771–1795. – М.; Л., 1931. – С. 519.
- ³⁶ Сибиряк. Корреспонденция из Екатеринбурга // Северная пчела. – 1839. – № 21. – С. 133–134.
- ³⁷ Ш(устик)ов А. Указ. соч. – С. 226.
- ³⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. № 433а. Л. 206; Архив МАЭ РАН, К-V. Оп. 1. № 92. Л. 2, 23; Соколова В. К. Указ. соч. – С. 43, 45–46.
- ³⁹ См.: Соколова В. К. Указ. соч. – Сноска 57 на с. 90.
- ⁴⁰ Там же. – С. 45.
- ⁴¹ См.: Соколова В. К. Указ. соч. – С. 90; Зимние катания... – С. 36.
- ⁴² Зимние катания... – С. 36.
- ⁴³ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт сравнительно-этнографического исследования). – Л., 1963. – С. 126.
- ⁴⁴ Зимние катания... – С. 33–34.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. – С. 32.
- ⁴⁷ Там же. – С. 35.
- ⁴⁸ Соколова В. К. Указ. соч. – С. 45; Зимние катания... – С. 34–35.
- ⁴⁹ Соколова В. К. Указ. соч. – С. 45; Зимние катания... – С. 35.
- ⁵⁰ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. № 433а. Л. 206; Зимние катания... – С. 35–36.
- ⁵¹ См., напр.: Зимние катания... – С. 35–36.
- ⁵² Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1. Описание внешнего и внутреннего быта // Труды этнографического отдела ИОЛЕАЭ. – Кн. 5. – Вып. 1. – М., 1877. – Ч. I. – С. 141.
- ⁵³ Там же. – С. 164.